

УДК 94(470.47)

ББК 63.3 (2)46

НОВЫЙ ИСТОЧНИК НА «ЯСНОМ ПИСЬМЕ» ПО ИСТОРИИ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА (1635–1758)

The New Source in the «Clear Script» on the History of the Dzungar Khanate (1635–1758)

В. П. Санчи́ров (*V. Sanchirov*)¹

¹ кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of History, Leading Researcher of the History, Archeology and Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences).
E-mail: kigiran@elista.ru.

В статье рассматривается сочинение на «ясном письме», обнаруженное в 80-х гг. XX века в Китае. Название источника — «Родословная монголов» — расходится с его содержанием, поскольку он посвящен ойратам, преимущественно описывает события, связанные с историей Джунгарского ханства (1635–1758). Новые факты для науки здесь объясняются с позиции «желтошапочной» школы Гелуг тибетского буддизма, вместе с тем в них отражены подлинные исторические события.

Ключевые слова: история ойратов (западных монголов), Джунгарское ханство, ойратские исторические сочинения, «Родословная монголов».

In the 80s of the 20th century the Oirat writing in «todo bičig» («clear script») was found in China. In 1987 it was published under the title «Mongɣol-un ux eki-yin bičig» («The Origin of the Mongols») with the explanatory notes in the collection «The Oirat Historical Sources» in Inner Mongolia. Though its title is «The Origin of the Mongols», this does not correspond to its contents. It is especially devoted to the Oirats (Western Mongols), mainly to the events which had a direct bearing to the history of the Dzungar Khanate (1635–1758).

It has been until very recently that the only sources of information on the Oirats and the Dzungar Khanate were the Mongol mediaeval chronicles, the Russian archival documents and the works of the Chinese traditional historiography. The study of such Oirat writings as «The Origin of the Mongols» permits to restore a more impartial picture of the past because it contains several interesting and valuable facts which are not available in other sources (about the high-ranking Tibetan lama Ense-khutuqtu, Yüm-Axa, the wife of the Dzungar ruler Batur-khungtayiji, Galdan Boshuqtu-khan).

Though the author of «The Origin of the Mongols» treats the events from the perspective of the Ge-lugs-pa (Yellow Hat) sect of Tibetan Buddhism, they contain reflection of some real historical events. This affords the possibility to watch them «from inside», to realize the logic of human doings in the past and some perception of reality.

Keywords: the history of the Oirats (Western Mongols), the Dzungar Khanate, Oirat historical writings, the «Origin of the Mongols».

Из историко-литературных произведений на «ясном письме», найденных в Синьцзяне в конце прошлого века, особый интерес представляет сочинение, известное под монгольским названием «Монголын уг эхийн түүх» (*Mongɣol-un ux eki-yin teiike* — «Родословная монголов», возможен и другой перевод названия — «История происхождения монголов»). Оно прежде хранилось у простого ойрата-скотовода в уезде *Монгол Хүрээ* в Синьцзяне и стало до-

стоянием общественности только в 80-х гг. XX века после того, как обнаруживший рукопись этого сочинения известный историк из Внутренней Монголии Алтан-Оргил опубликовал ойратский текст в выходящем в Урумчи журнале «Хан-Тэнгри» в первом номере за 1983 г. Затем в 1985 г. китайские ученые (монголы по национальности) Бадай, Алтан-Оргил и Эрдэнэ опубликовали «Родословную монголов» вместе с другими ойратскими и калмыцкими историко-ли-

тературными произведениями в сборнике «Ойратские исторические источники», вышедшем во Внутренней Монголии на старописьменном монгольском языке [Oyirad teüken 1985]. Данное издание было повторено на ойратском языке в 1987 г. в Синьцзяне [Oyirad tüükiyin 1987].

В 2001 г. ученый из Монголии На. Сухбаатар издал это сочинение в Улан-Баторе на монгольском языке, включив его во второй том своего многотомного издания «Источники по истории ойрат-монголов» [Ойрад Монголын түүхэнд 2001]. Он снабдил текст источника своими примечаниями для широкого круга читателей, призванными объяснить значение отдельных слов и выражений, а также сообщить в кратком виде биографические данные об отдельных персонажах ойратской истории, сведения о знаменательных событиях и отдельных местностях, где происходили эти события.

Хотя это сочинение называется «Родословная монголов», данное название не соответствует его содержанию. Оно полностью посвящено ойратам, главным образом, событиям, связанным с историей Джунгарского ханства (1635–1758). Известно, что после гибели этого последнего независимого государства на территории Монголии восточномонгольские и западномонгольские авторы написали несколько исторических сочинений, где постарались так или иначе объяснить, чем была вызвана его столь трагическая участь.

В указанных сборниках ничего не сказано о самой ойратской рукописи. Ее описание мы находим лишь в пространной статье историка из КНР Алтан-Оргила, в которой подробно рассказывалось о трех новых ойратских источниках, в том числе и «Родословной монголов» [Altanorgil 1987]. Вот как выглядит ойратская рукопись, по словам автора: «Она представляет собой книгу монгольского образца (*sudur kelberitei*), написанную на китайской бумаге цинского периода. В ней всего 14 листов (28 страниц), каждый лист имеет нумерацию. Верхняя часть первого листа использована как обложка, на ней написано название книги, нижняя часть 14-го листа не заполнена. Таким образом, текст книги размещен на 27 страницах, буквы написаны тонким тростниковым пером аккуратно и красивым почерком. Длина книги составляет 21 см, ширина — 8,6 см» [Altanorgil 1987: 138].

Об авторе «Родословной» и о времени ее написания в самом тексте ничего не говорится, за исключением заключительных слов, помещенных в самом конце, на последней странице: «Написал Дээди, закончив в 14-й день второго месяца года *эрмодон-така* («эр-дерева-курицы») сорок четвертого года [правления] *Албату тёр*» [Altanorgil 1987: 138]. Их приводит в своей статье Алтан-Оргил, отмечая, что названная дата ошибочна. По его мнению, вместо «сорок четвертого года», как в тексте, следует читать «четвертого», а вместо *Албату тёр* должно стоять *Гэрэлтү тёр*. Таким образом, получается, что речь идет о 1825 годе, 5-м годе правления *Төр гэрэлт* (монгольское название годов правления цинского императора Дао-гуана, царствовавшего в Китае в 1821–1851 гг.). Но и эта дата противоречит реальному положению вещей, что видно из содержания самого сочинения. Автор его заканчивает «Родословную», как справедливо отметил Алтан-Оргил, «описанием событий, случившихся после возвращения торгут-монголов (т. е. волжских калмыков. — В. С.) в 1771 г. на свою родину Алтай из местности Иджил-Зай (имеется в виду Волго-Яицкое междуречье. — В. С.)». По его словам, «поэтому год написания этого сочинения — «год дерева-курицы» — должен безусловно быть после 1771 г.» [Altanorgil 1987: 138].

Несмотря на свой малый объем (всего 27 страниц), это сочинение содержит несколько любопытных и ценных фактов, не нашедших отражения в других источниках. По своему содержанию оно может быть разделено на ряд небольших разделов, как это сделал в своем предисловии На. Сухбаатар. Он назвал их «бүлэг мэдээ» (букв. «отдельные известия»):

1. Монгольское государство берет начало из Индии и Тибета.
2. Завещание Чингис-хана и Хубилай-хан.
3. О том, как первоначально сформировались дурбэн-ойраты.
4. О решении Дурбэн-ойратского чулгана защищать желтую веру.
5. Галдан Бошогту — перерожденец (хубилган) Энсэ-хутугты.
6. О том, как объединенное войско (их цэрэг) дурбэн-ойратов завоевало Кукунор и Тибет.
7. О том, как после убийства хана Сэнгэ Галдан отказался от духовного звания и стал ханом.

8. Галдан Бошогту распространял религию у ойратов.
9. О создании «ясного письма» и о раб-джамбе Зая-пандите Намкайджамцо.
10. О том, как рассорился Галдан Бошогту с Цэцэн-ханом.
11. О том, как хошутский лама по имени Начин Онбо, сделав ложное пророчество (предсказание), побудил Галдана начать войну, и тот растратил свои силы.
12. О том, как Цэван-Рабдан и Галдан-Цэрэн занимали ханский трон и распространяли религию.
13. О том, как между князьями дурбэн-ойратов [началась] междоусобица (*дайн самуун*), и они были завоеваны маньчжурами.
14. Краткое сообщение о том, что храм, построенный по приказанию Галдана Бошогту в несоответствующем месте (*буруу газар-ту*), разрушился [Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 122].

Если судить о содержании данного сочинения, то его можно охарактеризовать как историко-хронологическое, причем видно, что симпатии автора находятся на стороне хошутских князей. Все это позволило Алтан-Оргилу предположить, что написавший его Дээди был «писарем какого-то хошутского хошуна или сомона в Синьцзяне» [Altanorgil 1987: 138], то есть светским человеком, выходящем из среды монгольского чиновничества Цинской империи, родовитого или неродовитого. Мы имеем дело со светским сочинением, имеющим в то же время религиозно-клерикальную окрашенность, мифологичность, свойственную произведениям монгольской буддийской историографии.

Со времени «второго обращения» монголов в буддизм и зарождения феодально-буддийской историографии (вторая половина XVI – начало XVII вв.) в Монголии утвердилась основанная на общей религии практика связывать историю своей страны с историей Тибета и Индии. Поэтому автор начинает свое повествование с утверждения о том, что «исконное Монгольское государство есть ветвь (*salara*) Тибетского государства. Тибетское государство есть ветвь Индийского государства» [Oyirad teiken 1985: 306; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 123].

Далее после крайне невнятного изложения событий, последовавших после смерти основателя буддизма Будды Шакьямуни,

Дээди, согласно традиции, переходит к личности Чингис-хана и якобы оставленному им завещанию. Здесь приводимые им сведения также отличаются неточностью и расхождением с реальной хронологией событий. Показателен в этом отношении следующий фрагмент «Родословной»: «Владыка Чингис вел войну и покорил минского хана Китая (на самом деле императора династии Сун. — В. С.). На драгоценном золотом берилловом троне минского хана владыка Чингис [и его потомки] сидели ханами на протяжении пятнадцати поколений. Печать владыки [Чингиса] создавалась сама собой из яшмы драгоценных печатей» [Oyirad teiken 1985: 306; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 124].

В своем завещании внуку Хубилаю Чингис-хан будто бы обещал снова вернуться к жизни и занять ханский трон, чтобы «способствовать процветанию государства и религии». По словам источника, в его намерение в будущем входило желание «загнать [носящих] белые головные уборы (*ᠰахан malaᠬai-yi*, т. е. чалму, имеются в виду мусульмане) в края, которые [человеческий] глаз не видел». Анахронизмом является и упоминание о существовании Ханских Восьми белых юрт¹, куда был доставлен «золотой пояс» умершего хана, и сообщение о его внуке Хубилае, рожденном в 1215 г. и ставшем хранителем Шести хошунов монголов. Упомянутые здесь события произошли гораздо позднее.

Помещенный в «Родословной» рассказ о дурбэн-ойратах, несмотря на свой фрагментарный характер, может служить еще одним свидетельством в пользу положительного разрешения спорного вопроса о существовании Дурбэн-ойратского союза. Эта тема довольно подробно освещалась в исторической литературе, но недостаток письменных источников долгое время не позволял внести определенную ясность в чрезвычайно темный и запутанный исследователями вопрос об этническом составе этого союза [Санчилов 2013]. Сведения, содержащиеся в рассматриваемом сочинении, относятся, по нашему мнению, к среднему периоду существования союза западномонгольских (ойратских) кочевых объединений, пред-

¹ Восемь белых юрт — название местности в Ордосе, где хранились реликвии Чингис-хана, в том числе его знамя, «в которое вошла, по верованию монголов, его душа» [Владимирцов 1934: 145].

шествовавших образованию Джунгарского ханства в 1635 г.

Изложение в «Родословной» носит фрагментарный характер: материалы тематически не связаны друг с другом. Как можно видеть из содержания этого источника, основная часть излагаемых в нем сведений так или иначе относится к событиям, имевшим непосредственное отношение к Джунгарскому ханству и его правителям. В описании деятельности тех из них, кто способствовал распространению (а то и насаждению сверху) буддизма в Джунгарии, строил монастыри, принимал у себя тибетских иерархов, заметно влияние буддийской феодально-клерикальной историографии и стремление автора объяснить многие события с позиции «желтошапочной» религии, утвердившейся среди ойратов.

К сожалению, автор предельно краток в описании событий и действующих лиц, сыгравших видную роль в истории Джунгарского ханства. Говоря о последних, он ограничивается простым упоминанием некоторых из них, в лучшем случае сообщает об их покровительстве религии и строительстве монастырей. Лишь несколькими персонажам ойратской истории он отводит гораздо больше места в своем повествовании и, что важно, при этом приводит интересные факты, которые не встречаются в других ойратских письменных памятниках. Его сообщения приобретают особую ценность там, где в них под буддийскими мотивами и стереотипами поведения присутствует отражение вполне реальных исторических событий. В них автор обнаруживает себя как историограф, и особенно проявляется авторское начало, когда он рассказывает о трех исторических личностях — Энсэ-хутухте, жене джунгарского правителя Батура-хунтайджи Юм-ага и его сыне Галдане Бошогту-хане.

Первому из упомянутых суждено было сыграть в первой половине XVII в. важную роль в распространении буддизма среди ойратов. Как представитель буддийской церкви он, под именем Инзан-римбочи, фигурирует в числе трех святителей-хутухт во вводной части «Великого уложения», принятого на знаменитом съезде монгольских и ойратских князей 1640 г. [Их Цааз 1981: 13]. Из нашего источника мы узнаем некоторые подробности его биографии. Здесь он назван выходцем «из рода главного ученика и важного сподвижника Бурхан-багши (т. е. Будды Шакьямуни)».

Когда в Тибете разгорелась религиозная война между сторонниками «красношапочной» и «желтошапочной» школ тибетского буддизма, то руководители «желтошапочной» школы Гелуг, терпя поражение, приняли решение обратиться за помощью к ойратским князьям. Они тайно снарядили и отправили посольство к своим приверженцам — правителям Джунгарии. Автор «Родословной» сообщает: «Ламы — хранители Учения и ламы из [монастыря] Брайбун во главе с Панчен-ламой и Далай-ламой послали Энсэ-хутугту, сказав [ему]: «Будет правильно, если ты отправишься в путь. На востоке есть страна, где живут дурбэн-ойраты. Им суждено возродить там желтую религию Дзонхавы. Отправляйся [к ним] и скажи их ханам, чтобы они содействовали возрождению желтой религии» [Оурад теүкен 1985: 308; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 130]. Энсэ-хутугта выступил на съезде ойратских князей, и те после обсуждения просьбы тибетских иерархов о помощи постановили отправить в Тибет объединенное войско дурбэн-ойратов под командованием хошутского правителя Гуши-хана. В ходе военной кампании 1636–1637 гг. ойратам удалось разгромить войско восточномонгольского князя Цогту-тайджи, сторонника «красношапочной» секты, и овладеть Кукунором. Это в дальнейшем помогло завоевать весь Тибет и установить в нем власть Далай-ламы и «желтошапочной» школы Гелуг [История Калмыкии 2009: 296–299].

О том, что Энсэ-хутугта был весьма влиятельным лицом, свидетельствует и рассказ о нем в «Биографии Зая-пандиты», где сообщается, что в 1639 г. он председательствовал на съезде духовенства и знати во время освящения субургана и там пожаловал недавно вернувшемуся из Тибета Зая-пандите титул *Рабджамба-хутугта* [Норбо 1999: 42].

Весьма примечателен помещенный в нашей «Родословной» рассказ о том, как сын джунгарского правителя Батура-хунтайджи, Галдан, стал перерожденцем (хубилганом) Энсэ-хутугты. Сообщается, что, когда он, выполнив свою миссию при джунгарском дворе, собрался вернуться в Тибет, то Батур-хунтайджи и другие ойратские князья «оказали ему большие почести и сделали подношение». Тогда-то произошло следующее событие: «Когда [Энсэ-хутугта] уезжал, то пришла [супруга Батура-хунтайджи] Юм-ага и, держась за стремя [его ло-

шади], сказала: «У меня [только] один сын, пожалуйста мне еще одного сына». На это [Энсэ]-хутугта ответил: «Я – монах, отшедший от мирской жизни. Я не могу родить сына». Тогда Юм-ага попросила: «Раз уж Вы, будучи монахом, не можете родить сына, то, поскольку Вы уже преклонного возраста, не могли бы Вы [после своей смерти] переродиться во мне в образе [моего] сына?». [Энсэ]-хутугта согласился, [как] говорят, и ответил: «Пусть будет так». Говорят, что, возвращаясь [домой], он скончался в Тибете. В том же году [1644 г.] Юм-ага забеременела и через девять месяцев родила сына. Тот сын и стал известен как перерожденец Энсэ-хутугты» [Oyirad teiken 1985: 308; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 131]. Из этого отрывка мы узнаем год смерти тибетского святителя и год рождения Галдана, будущего Бошогу-хана (правил в 1671–1697 гг.).

Юм-ага (Йүмү-Ага; «ага» — титул знатной женщины) — одна из пяти жен джунгарского правителя Батура-хунтайджи, была, как сказано в «Родословной», дочерью торгутского тайши Шүкүр-Дайчина и матерью двух прославленных сыновей, Сэнгэ и Галдана [Норбо 1999: 201], последовательно занимавших трон правителей Джунгарского ханства. Она славилась своей красотой, память о которой сохранялась здесь, на Волге даже спустя полтора столетия, о чем сообщает монголист середины XIX в. Ю. С. Лыткин, известный своими переводами ойратских и калмыцких сочинений. По словам его калмыцкого информатора, Юм-ага наряду с тремя другими знатными женщинами была у ойратов такой красавицей, «каких теперь нет» [Лыткин 1969: 99]. Ю. С. Лыткин, основываясь на данных «Биографии Зая-пандиты», поместил рассказ о ней в разделе «Ойратские красавицы XVII века» в своих «Материалах для истории ойратов» [Лыткин 1969: 99–102], где ошибочно указал, что она была дочерью Хо-Урлюка. На самом деле она была его внучкой. О ней говорится и в «Истории дурбэн-ойратов» калмыцкого историка Габан Шараба [Калмыцкие 1969: 149, 152]. Будучи знатного происхождения, рожденной и воспитанной при дворе торгутских правителей, Юм-ага, помимо своей замечательной красоты, обладала еще твердым и решительным характером и пользовалась, судя по всему, большим влиянием при дворе джунгарских правителей. Об этом свидетельствуют приведенные

в рассматриваемом нами сочинении факты, которые не встречаются в других ойратских источниках.

Известно, что после смерти Батура-хунтайджи в Джунгарском ханстве возникло острое соперничество за обладание ханской властью между его старшими сыновьями, Сэцэном-тайджи и Джодба-батуром, рожденными от жены-киргизки незначительного происхождения, и Сэнгэ, за спиной которого стояла его мать Юм-ага. Ее младший сын Галдан находился в это время в Тибете, где, будучи духовным лицом высокого ранга — хутугтой, мог занять престол настоятеля одного из трех крупных «желтошапочных» монастырей, основателем которого был Дзонхава.

Юм-ага, первой узнав об убийстве Сэнгэ одним из его старших братьев, немедленно предприняла активные действия, чтобы наказать убийцу и сохранить ханский престол за своим младшим сыном. В «Родословной» сказано, что она, «призвав к себе зайсангов во главе с Маха-илдүүчи, сообщила им [об убийстве]», а те «пошли войной» на убийцу, и «ханшу-киргизку с ее сыном судили и казнили» [Oyirad teiken 1985: 310; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 134]. С согласия второго влиятельного правителя в ханстве, хошутского Очирту Цэцэн-хана, Юм-ага отправилась в Тибет, где «совершила поминальные службы в четырех [главных] монастырях желтошапочной религии, у двух гэгэнов (т. е. у Панчен-ламы и Далай-ламы. — В. С.), у двух хранителей Учения — чойджинов и в других [местах]» [Oyirad teiken 1985: 310; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 134, 135]. После этого она сказала Галдану: «Твои племянники — малолетние [дети], твоя страна не имеет правителя. Оставь престол [настоятеля монастыря], надень халат с рукавами (т. е. вернись к мирской жизни. — В. С.), поезжай и займи свой [ханский] трон» [Oyirad teiken 1985: 310; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 135]. Галдан не стал противиться воле своей матери и обратился к высшим тибетским иерархам, Панчен-ламе и Далай-ламе, с просьбой разрешить ему сложить с себя духовный сан и вернуться к себе на родину в Джунгарию, где он занял ханский трон.

Галдан правил страной в 1671–1697 гг. и вошел в историю как национальный герой ойратского народа, до конца отстаивавший свободу и независимость всей Монголии. Его стремление создать сильное централи-

зованное государство ойратов объективно мешало правительству Цинской империи проводить экспансионистскую политику в Центральной Азии. Галдан стремился объединить под своей властью всех ойратов и монголов, что побудило его вмешаться во внутренний межфеодальный конфликт в Халхе. В 1690 г. на стороне противников Галдана выступила Цинская империя, и в войне с джунгарами 1690–1697 гг. ее войска нанесли поражение Галдану, который вскоре умер.

Отсюда крайне враждебное отношение к Галдану в цинских источниках. «Почти в каждом китайском источнике, — как пишет историк из Внутренней Монголии Алтан-Оргил, — о Галдане Бошогту-хане говорится следующее: Галдан, когда был ламой, не соблюдал монашеских обетов. Вернувшись на родину, он убил своего старшего брата. В борьбе за ханский престол он погубил своего тестя (т. е. хошутского Очирту Цэцэн-хана. — В. С.) и был жестоким и решительным человеком, представлявшим угрозу для Цинской империи» [Altanorgil 1987: 140].

Сказанное выше о Галдане не вполне согласуется с фактами реальной истории. Собственно ойратские источники совсем по-иному трактуют перечисленные события, что дает возможность исследователям сформировать объективный взгляд на них и получить представление, приближенное к тогдашней исторической действительности. Если принять во внимание версию событий, изложенную в «Родословной», то обвинение Галдана в убийстве его старшего брата лишено всяких оснований, так как Галдана в это время не было в Джунгарии. Наш источник не подтверждает и сообщения китайских авторов о том, что Галдан расправился с хошутским Очирту Цецен-ханом, на дочери которого он был женат, и полностью подчинил себе его владения.

Конфликт между ними произошел тогда, когда централизаторская политика джунгарского правителя стала вызывать противодействие со стороны крупных ойратских феодалов. До этого возглавлявший хошутскую группировку Очирту Цецен-хан был союзником отца Галдана, Батура-хунтайджи, и его старшего брата Сэнгэ. Вот что сообщает об этом конфликте и о дальнейшей судьбе Очирту автор «Родословной»: «Когда Бошогту-хан занял ханский трон после Сэнгэ, то между ним и хошутским Цэцэн-ханом произошел разлад. Мобилизовав войс-

ка, они сразились на [реке] Ёлзийтү-Бом в [окрестностях] Сайрама. Так как войска Бошогту-хана нанесли поражение войску хошутов, то [реку] Бом называли Ёлзийтү-Бом (букв. «счастливая Бом»). Цэцэн-хан настоятельно попросил, сказав: «Так как местность Хурдун Күрээсүчин, ограждая [меня] от людей, будет для меня благодетельной, я буду иметь попечение о ней достойным образом до самой своей старости и кончины». Бошогту-хан, говорят, отдал Цэцэн-хану местность Хурдун Күрээсүчин, а другую часть [его владений] сделал своими, распределив между всеми кочевьями. <...> Цэцэн-хан скончался в [местности] Бэджэй» [Oyirad teiken 1985: 312; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 139, 140].

Произведения традиционной монгольской историографии (включая и сочинения калмыцких авторов, Габан Шараба и Батур-Убаши Тюменя) отличаются, как правило, компилятивным характером, чего нельзя сказать о «Родословной монголов». Оно было уже создано в то время, когда, по словам современной исследовательницы А. Д. Цендиной, «на смену компилятору в монгольской летописной традиции приходит историограф и историк. Это выражается в том, что авторы начинают цитировать и критически оценивать сведения источников, анализировать события, давать им свое объяснение, описывать мотивы тех или иных исторических событий и действий героев» [Цендина 2007: 107].

Авторское начало у Дээди выражается в том, что он описывает главные события и мотивы действующих лиц через призму буддийского мировоззрения. Правители ойратов — Галдан (1671–1697), Цэван-Рабдан (1697–1727) и Галдан-Цэрэн (1727–1745) — выступают у него как активные религиозные деятели, строившие в своем государстве храмы и монастыри, открывавшие религиозные факультеты-дацаны, наделявшие духовные управления (*jisa*) подразделениями *албату* — феодально-зависимых рядовых кочевников. В то же время оценка деятельности Галдана в «Родословной» дана с позиции его противников — хошутов, с позиции тех, с кем он боролся и воевал.

Вот как объясняется в этом сочинении вмешательство Галдана в междоусобный конфликт в Халхе и его поражение в ойрато-цинской войне 1690–1697 гг.: «Хошутский гэлүн по имени Тоголта-рабджамба прибыл в [местность] Күрдэм, чтобы встре-

таться с Ничин-Омбо и, питая ненависть к Бошогту(-хану), попросил его: «Не можешь ли ты довериться [мне] и выслушать мои слова? Так как Бошогту(-хан) подорвал авторитет нашего хошутского хана, рассеял его владение (*nutux*), то, чтобы отомстить ему за это, когда станешь предсказывать ему будущее, сделай ему ложное предсказание. Погуби множество приближенных ему князей и родственников, побуди его вступить в войну с обладающей мощью чужеземной страной и лиши его силы» [Oyirad teiken 1985: 313; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 140].

Поступив так, как предсказывал ему в своем видении будущего тибетский лама, выступивший в роли оракула, джунгарский хан в ходе войны «изгнал четырех ханов Халхи и заставил их бежать в Китай». Затем, руководствуясь предсказанием о том, что ему суждено «стать верховным ханом всех китайцев и монголов», Галдан двинулся со своим войском на Китай, где потерпел сокрушительное поражение. Как утверждается в «Родословной», «немногие [джунгары] бежали [из Китая], а он сам окончил свою жизнь на Алтае» [Oyirad teiken 1985: 313; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 140]. Эта, весьма упрощенная, версия событий сильно расходится с подлинной историей рассматриваемого периода, известной нам по работам современных исследователей — И. Я. Златкина, Е. И. Кычанова, Ш. Б. Чимитдоржиева и др., написанных на основании данных русских, монгольских и китайских источников [Златкин 1964; Кычанов 1980; Чимитдоржиев 1974].

Тем не менее сведения, содержащиеся в «Родословной», представляют определенный интерес для изучения не только исторического процесса, но и развития исторических знаний, в которых отразилось мировоззрение ойратов. Согласно показаниям данного источника, можно говорить о бытовании среди ойратских правителей *мантики* (от греч. *mantike* — искусство прорицания), т. е. системы гаданий и прорицаний, призванной не вызывать желаемые последствия, а узнавать об их наступлении или ненаступлении. Такой пласт человеческих суеверий, заблуждений и предрассудков, сохранивший свое влияние в тибетском буддизме, восходит к древним шаманистским верованиям. Он присутствовал, как видим, также в мировоззрении ойратов и определял их отношение к происходившим событиям.

Отсюда и то влияние, каким пользовались у них тибетские священнослужители, выполнявшие функцию жрецов-ясновидцев, оракулов, раскрывающих тайны бытия, предсказывающих будущее, выбирающих подходящее место для строительства храмов и монастырей.

С позиции своих суеверных представлений автор «Родословной монголов» объясняет даже гибель Джунгарского ханства в 1755–1758 гг. под ударами войск Цинской империи. Это произошло будто бы потому, что во время правления джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрэна (1727–1745) два больших храма и субурган были построены «в местах, пользующихся дурной славой (*maru nere-tei rajar-tu*)». Он пишет: «Из-за этих двух храмов появилось большое зло: жизнь Галдан-хана оказалась короткой, [его] государство и религия пришли в упадок» [Oyirad teiken 1985: 317; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 146].

Из-за многочисленных ошибок и неточностей в изложении реальных фактов, искаженной передачи имен, даже имен джунгарских правителей (Цаган-Рабдан вместо Цэван-Рабдан, Галдан-Сэцэн вместо Галдан-Цэрэн), данное сочинение нуждается в перепроверке и сопоставлении содержащихся в нем данных с другими источниками. Однако некоторые, мимоходом упомянутые его автором сведения, заслуживают быть принятыми во внимание. Например, представляет интерес его сообщение об отсутствующих в других сочинениях обстоятельствах получения джунгарским правителем Цэван-Рабданом титула *хунтайджи*. Хотя, казалось бы, он должен был как преемник Галдана унаследовать ханский титул, но вместо него титул хана правительство Далай-ламы, которое возглавлял регент Санджай-Джамцо, пожаловало правителю волжских торгутов Аюке. После этого, как утверждается в «Родословной монголов», «Аюка-хан, услышав, что Цаган-Рабдан (Цэван-Рабдан. — В. С.) создал [собственный] джунгарский нутуг, отправил в жены Цаган-Рабдану свою дочь Сэтэрджаб в сопровождении пятисот кибиток и пожаловал ему титул *Чин-Зоригту-хунтайджи* (букв. «непоколебимый и смелый хунтайджи»)» [Oyirad teiken 1985: 313–314; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 141]. Именно под именем Зоригту-хунтайджи правитель Джунгарского ханства Цэван-Рабдан (1697–1727) выступает в сочинениях калмыцких истори-

ков Габан-Шараба и Батур-Убаши Тюменя [Калмыцкие 1969: 25, 36, 37, 144, 149–151, 153, 154].

В свете вышеизложенного данное сочинение не может претендовать на роль объективного источника, поскольку реальные факты подверглись в нем интерпретации автором в духе буддийской религиозной

традиции. Вместе с тем, в изложении автора в них присутствует отражение имевших место подлинных исторических событий. А это дает возможность видеть их глазами современников, понять логику действия людей прошлого в соответствии с обстоятельствами их жизни, их отношением к действительности.

Литература

- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 223 с.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 483 с.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Т. 1. 847 с.
- Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М.: Наука, 1981. 148 с.
- Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 203 с.
- Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск: Наука, Сибир. отд-ние, 1980. 191 с.
- Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 203 с. С. 81–131.
- Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Санчиоров В. П. К вопросу о Дурбэн-ойратском союзе // Вестник Калмыцкого института

- гуманитарных исследований РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2013. № 2. С. 7–12.
- Цендина А. Д. Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции. М.: РГГУ, 2007. 272 с.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII–XVIII вв.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 91 с.
- Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II / Эмхтгэж, тод болон худам монгол бичгээс кирилл бичигт буулган, тайлбар хийсэн На. Сүхбаатар. Улаанбаатар: Монгол улсын их сургууль, 2001. 167 с.
- Altanorgil. Todo üsüg degere jökiyaɣdarsan Mongɣol teüke-yin surbulji bičigud-un tanilčarulya // Öbör Mongɣol-un barši-yin yeke surɣavuli-yin erdem šinjilgen-ü sedgöl, Kökeqota, 1987. Neyigem-ün šinjilekü uqaxan-u keblel-ün Oyirad teüke-yin tusɣai duɣar. X. 137–141.
- Oyirad teüken surbulji bičig. Badai, Altanorgil, Erdene tayilburilaba. Öbör Mongɣol-un soyol-un keblel-ün qoriya, Kökeqota, 1985. 442 q.
- Oyirad tüükiyin surbulji bičiq. Šinjiyang-giyin aradiyin kebleliyin xorö, Ürümči, 1987. 452 x.

References

- [History of Kalmykia from the ancient times to the present day]. Vol. 1. Elista: Gerel Publ. House, 2009. 847 p. (In Russ.)
- [Ikhr Tsaaz “The Great Arrangement”]. Monument of Mongolian Feudal Law of the XVII c. Moscow: Nauka, 1981. 148 p. (In Russ.)
- [Kalmyk Historical and Literary Monuments in Russian Translation]. Elista: Kalm. Publ. House, 1969. 203 p. (In Russ.)
- [Oirad Mongolyn tüükhend holbogdoh survalzh bichgüüd – II]. Na. Syhbaatar (compl., transl.). Ulaanbaatar: Mongol ulsyn ih surguul?, 2001. 167 p. (In Mong.)
- [Oyirad teüken surbulji bičig]. Badai, Altanorgil, Erdene (compl.). In: [Öbör Mongɣol-un soyol-un keblel-ün qoriya]. Kökeqota, 1985. 442 q. (In Mong.)
- [Oyirad tüükiyin surbulji bičiq. Šinjiyang-giyin aradiyin kebleliyin xorö]. Ürümči, 1987. 452 x. (In Mong.)
- Altanorgil. [Todo üsüg degere jökiyaɣdarsan Mongɣol teüke-yin surbulji bičigud-un tanilčarulya]. In: [Öbör Mongɣol-un barši-yin yeke surɣavuli-yin erdem šinjilgen-ü sedgöl. Neyigem-ün šinjilekü uqaxan-u keblel-ün Oyirad teüke-yin tusɣai duɣar]. (Oirat manuscript). Kökeqota, 1987. X. 137–141. (In Mong.)

- Chimitdorzhiev Sh. B. [Antimanchur Liberation Struggle of the Mongolian People (XVII–XVIII cent.)]. Ulan-Ude: Buryat. Publ. House, 1974. 91 p. (In Russ.)
- Kychanov E. I. [The Story about Oirat Galdan Boshoktu-khan]. Novosibirsk: Nauka, Siber. dept., 1980. 191 p. (In Russ.)
- Lytkin Yu. [Materials for History of Oirats]. In: [Kalmyk Historical and Literary Monuments in Russian Translation]. Elista: Kalm. Book Publ., 1969. 203 p. Pp. 81–131. (In Russ.)
- Norbo S. [Zayapandita (Materials for Biography)]. Elista: Kalm. Publ. House, 1999. 335 p. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. [Revisiting the Durban-Oirat Union]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2013. No. 2. Pp. 7–12. (In Russ.)
- Tsendina A. D. [Mongolian Chronicles of the XVII–XIX centuries: Narrative Traditions]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2007. 272 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. [The Social Order of the Mongols]. Leningrad: Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1934. 223 p. (In Russ.)
- Zlatkin I. Y. [History of Dzungarian Khanate (1635–1758)]. Moscow: Nauka, 1964. 483 p. (In Russ.)